Ю.В.Деньгуб,
соискатель кафедры социологии РАГС

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Трансформации в России за более чем 15 лет полностью изменили страну. Они вызвали коренные сдвиги в идеологии, политике, экономике, социальной стратификации, системе ценностных ориентаций, моральном климате общества.

В Российской Федерации по существу складывается тип цивилизации[1] со своими формами общественного устройства и новыми стандартами социальной адаптации. Соответственно меняется не только весь жизненный мир людей, но и представления о его ценности, в том числе по такому критерию, как социальная справедливость. Общественно-историческая практика свидетельствует о том, что представления о социальной справедливости особенно актуализируется в общественном сознании в периоды социальных «разломов».

Современная наука исходит из понимания социальной справедливости как структурно сложного, многозначного феномена, отражающего характер восприятия индивидами и социальными группами своего места и положения в системе социальных координат. Ретроспективный анализ научных исследований природы и механизма воспроизводства идеи справедливости дает основания рассматривать ее в качестве одной из самых влиятельных в социальном развитии человечества.

Интерпретация сущности социальной справедливости позволяет выделить ряд ее ключевых признаков, в числе которых регулирование распределения жизненных благ, прав и обязанностей индивидов и общественных групп; общественная оценка деятельности государственных институтов и т.д. Принципы социальной справедливости, включающие в себя нормативные рамки и стандарты индивидуальной и общественной жизни[2], распространяются на все сферы жизнедеятельности социума, действуют на всех уровнях социального взаимодействия: личности — группы — общества в целом.

---

[1] См.: *Беляева Л.А.* Россия в контексте мировых переходных процессов в конце XX века // Мир России. 1998. № 4. С. 30.

[1] См.: *Муздыбаев К.* Идеи справедливости // СОЦИС. 1992. № 11. С. 94.

Таким образом, рассматриваемый феномен обладает свойством универсальности, влияет на всю систему общественных отношений и имеет «определенный уровень реализации в конкретном обществе» через дихотомию «справедливость — несправедливость»[1]. Существование этой парной зависимости обусловлено социальной природой неравенства и постоянной борьбой по его преодолению. По мнению Д.Ролза, неравенство и обусловленная им социальная неоднородность, неизбежные в структуре любого общества, создают реальные условия его саморазвития. Этот подход находит свое подтверждение в теориях общественного развития.

Процесс общественной трансформации в России представляет собой единство институциональных, организационных и ценностных преобразований. Он включает и идеологические различия, реализуемые в разных оценках населения происходящих изменений. Речь идет о двух группах показателей: объективных и субъективных. Именно они определяют социальное самочувствие всех групп современного российского населения.

Первая группа включает оценки внешних (объективных) признаков материального положения (благосостояния) граждан, вторая связана с субъективными оценками собственного положения в обществе. Это своего рода интегральные характеристики социального самочувствия населения в реальных общественных условиях.

Главными детерминантами феномена справедливости в науке принято считать следующие компоненты: институциональный; социостратификационный; ценностно-деятельностный.

Согласно теории справедливости Д.Ролза, «первичным субъектом принципов социальной справедливости является базисная структура общества, т.е. устройство главных социальных институтов»[2]. В интерпретации Д.Норта институты — это «правила игры в обществе или созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми, задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия — будь то в политике, социальной сфере или экономике»[3]. Институты структурируют повседневную жизнь, включая в себя «все формы (фор-

---

[1] См.: *Магомедов К.О.* Социальная справедливость: этико-правовое значение для социального государства и гражданского общества // Социология власти: Вестник Социологического центра РАГС. 2004. № 2. С. 115.

[2] Цит. по: *Шабанова М.А.* Свобода и независимость в меняющемся обществе. Социолого-экономический аспект // Социологический журнал. 1996. №3—4; См. также: *Дуглас Н.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

[3] Цит по: *Дуглас Н.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. С. 17.

мальные и неформальные) ограничений, созданных людьми для того, чтобы придать определенную структуру человеческим взаимоотношениям»[1].

Анализ проблемы рационального выбора применительно к институтам требует выделения двух «особых аспектов человеческого поведения: мотивацию и расшифровку информации об окружающем мире»[2].

В числе институтов, к которым «концепция справедливости приложима»[3], — государство и рынок. Активно циркулирующие в общественном сознании представления о социальной справедливости по сути являются вопросами о роли и месте государства в обществе с рыночной экономикой по поводу социальной защиты граждан. Кардинальная трансформация общественных отношений в России актуализировала два методологических подхода в области государственного участия в социальной сфере. Один из них исходил из теорий социального государства и государства всеобщего благоденствия. Их основа — парадигма активного государственного вмешательства в экономику, социальная ответственность государства за поддержание определенных стандартов жизни социально уязвимых категорий населения (неимущие слои, инвалиды, сироты и др.).

Другой подход ограничивает социально-экономические функции государства. Выполнение государством обязательств перед обществом связывается с помощью частных институтов. В этом суть неолиберальной идеологии экономического развития, реализация которой в России по существу не позволила адекватно ответить на социальные вызовы.

Направленность социальных программ Правительства России — это сокращение государственных обязательств в социальной сфере, что фактически противоречит Конституции, в которой Российской государство определено как социальное. Идея справедливости как равенства прав и равенства возможностей для граждан в различных сферах общества остается нереализованной. Результаты социологических исследований[4] свидетельствуют о том, что граждане

---

[1] Цит по: *Дуглас Н.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С.18.

[2] См. там же. С. 37.

[3] См.: *Ролз Д.* Теория справедливости // Социология власти: Вестник Социологического центра РАГС. 2004. № 2. С. 155.

[4] В статье использованы результаты социологических исследований, проведенных Социологическим центром РАГС: «Государственная служба и гражданское общество в условиях проведения административной и судебно-правовой реформ» (2003 г.); «Социальная справедливость в массовом сознании российского общества» (2004 г.).

воспринимают отношение государства к ним как несправедливое. Среди оценок: пренебрежение интересами людей (так считают свыше 90% респондентов); воровство и коррупция (более 80%); использование чиновниками служебного положения в личных целях. Люди не верят в то, что законным путем можно добиться справедливости (более 50% опрошенных). Это показатели индивидуализированного принципа справедливости. На них влияет состояние общества в целом: структура распределения, удовлетворение потребностей, реализованность прав, воздаяние и т.д. Значительная часть населения оценивает их как несправедливые и связывает это с рыночной экономикой.

Рынок является универсальным интегративным механизмом, регулирующим не только производство и распределение материальных благ, но и социальные роли[1]. Этот основное пространство, где индивид или группа людей могут преследовать частные интересы[2]. Достижение последних для социальных субъектов — императив поведения в хозяйственной, политической и духовной сферах жизни. Фундаментальное значение для перехода России к рыночной экономике с соответствующей стратификацией населения имеют два процесса: трансформация форм собственности и перестройка отраслевой структуры хозяйства. Они оказывают доминирующее влияние на социальную стратификацию общества, лежат в основе глубинных и долговременных социальных сдвигов.

Проблема справедливости сконцентрировалась в перераспределении собственности, влиянии криминализации экономики на процесс приватизации. Разгосударствление и приватизация означали рождение классовой структуры общества, где на разные полюса социальной иерархии переместились частные собственники и наемные работники. Следствием этой поляризации стали определенные изменения в экономическом сознании, своеобразный «перелом» по отношению ко всему негосударственному, частному. В результате реформ 1990-х гг. в России совершился переход от уравнительности в распределении к чрезмерной дифференциации доходов и резкому ослаблению стимулирующей роли зарплаты, ее связи с квалификацией и профессиональной подготовкой работника.

До начала 1990-х гг. заработная плата в нашей стране определялась как «выраженная в деньгах доля рабочих и служащих в фонде

---

[1] См.: *Беляева Л.А.* Россия в контексте мировых переходных процессов в конце XX века // Мир России. Социология. Этнология. Т. VII. № 4. С. 27.

[2] Под частными интересами мы понимаем интересы индивида, которые формируются в сфере частной жизни по поводу разного рода общественных отношений и не совпадают с общими интересами государства, общественного класса и т.д.

индивидуального потребления национального дохода, составляющая основную форму необходимого продукта и распределяемая в соответствии с количеством и качеством затраченного ими труда в общественном производстве»[1]. То есть представление о заработной плате как инструменте распределения основывалось на утверждении равенства всех трудящихся по отношению как к средствам производства, так и к общественным благам. В реальной жизни такого равенства не существовало. Собственником всех средств производства выступало государство в лице его полномочных представителей — руководителей различных экономических структур. Труд основной массы работников являлся наемным.

Перевод экономики на рыночные принципы хозяйствования, появление рынка труда актуализировали проблему оплаты труда по критерию «справедливость». Сложность ее адекватного определения заключалась в качественно новом характере взаимодействия работодателя и наемного работника.

В подходах ряда представителей экономической науки к сущности заработной платы, несмотря на стремление представить в целом ее ключевые характеристики, упускалась социальная составляющая. На это еще в конце 1990-х гг. обратили внимание социологи Самары, предложив в качестве сущностных воспроизводственную и стимулирующую функции[2]. Это означало, что в условиях рынка, где в основе заработной платы лежит цена рабочей силы, размер заработной платы не может быть меньше прожиточного минимума. Такой подход подчеркивал парадоксальность ситуации в стране, где утвержденный государством размер минимальной заработной платы был во много раз меньше прожиточного минимума.

Однако известно, что без повышения заработной платы невозможна реализация ее стимулирующей функции, суть которой состоит в обеспечении уровня зарплаты в зависимости от количества, качества и результатов труда. Этот принцип вопреки уравнительному подходу создает реальные условия для раскрытия трудового и творческого потенциала работников. Практика трудовых отношений подтверждает, что дифференциация заработной платы способствует росту производительности и эффективности труда. Это происходит в том случае, когда она воспринимается как справедливая и обоснованная одновременно и работодателями и работниками.

В странах с устойчивой рыночной экономикой «проблема справедливости занимает важное место в отношениях между работода-

[1] См.: Труд и заработная плата в СССР: Словарь-справочник. М., 1989. С. 83.

[2] См.: *Вайсбурд В.А.* Заработная плата в системе социально-трудовых отношений // Социально-трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России. Самара, 1999. С. 89.

телем и работником»[1]. Согласно теории справедливости, люди субъективно определяют отношение полученной зарплаты к затраченным усилиям и затем соотносят ее с зарплатой других людей, выполняющих аналогичную работу. Если сравнение выявляет несправедливость, это является причиной психологического напряжения. В конечном счете справедливость конкретизируется в декларируемых принципах распределения, в основе которых лежат социальные ценности.

Причины появления механизмов социальной несправедливости связаны с качественным изменением структуры общества и социального статуса большинства его членов. Данные Роскомстата и исследования российских социологов в этой области[2] устойчиво фиксируют, что социальная структура российского общества смещена вниз к центру стратификационной модели. Это значит, что подавляющее большинство населения России живет беднее, чем должно было бы жить с учетом реального уровня благосостояния страны в целом.

По данным Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, вследствие реформ в выигрыше оказались лишь 20% населения. Это те, кто сумел адаптироваться к рыночным «правилам» экономического поведения. Среди острейших социально-экономических проблем уровня и качества жизни выделены следующие:

— катастрофическое снижение доходов и материальной обеспеченности основной части населения;

— высокая доля бедных при чрезвычайно скудном определении уровня бедности;

— беспрецедентная поляризация условий жизни;

— значительные масштабы безработицы и невыплата заработков;

— деградация социального обеспечения и фактическое разрушение социальной сферы, включая жилищно-коммунальное обслуживание[3].

Наиболее тяжелые последствия реформ связаны с резким углублением социальной поляризации. Соотношение средних доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченных (децильный коэффи-

---

[1] См.: *Эренберг Р.Д., Смит Р.С.* Современная экономика труда. Теория и государственная политика. М., 1996. С. 11.

[2] См.: *Тихонова Н.С.* Социальная структура современной России // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». Т. 3. М., 2003. С. 653.

[3] См.: *Римашевская Н.М.* Социально-экономические и демографические проблемы современной России // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74. № 3. С. 209.

циент фондов) составляет у нас 14,2; коэффициент Джини — около 0,4; децильный коэффициент дифференциации доходов — 8,2 раза; разрыв в доходах пятипроцентных крайних групп с наибольшими и наименьшими доходами достигает, как минимум, 50 раз; «верхней» двадцатипроцентной группе населения принадлежит 46% общего фонда доходов, а «нижней» — лишь около 6%[1]. Можно согласиться с Н.М.Римашевской в том, что ныне существуют две России, которые живут в разных измерениях, плохо понимают друг друга, имеют различные ориентации и предпочтения, собственный спрос и рынок предложений товаров и услуг.

Складывающаяся стратификация населения связана с оценкой возможностей достижения на основе динамического и социального сравнения возможностей разных групп или обществ. Сформировавшаяся система потребностей, жизненных ценностей, интересов — та матрица, через которую оценивается динамика личностных и групповых возможностей при условии соблюдения «минимума норм равноправной ассоциации»[2].

Так как цели и интересы разных индивидов и социальных групп различны, неодинаковы возможности их реализации, а механизм выявления социальных предпочтений не создан, неизбежно происходит то, что исследователи называют реинституциализацией социального неравенства. В массовом сознании представления о справедливости тесно связаны с понятиями о равенстве, хотя соотношение между этими понятиями исторически изменяется. Классовая дифференциация общества, возникновение государства и права «разводят» представления о социальной справедливости по социально-статусным позициям на основе различных интересов и потребностей.

Еще Платон в произведении «Полития», создавая образ идеальной общественной системы, указывал, что вся человеческая жизнь, а в частности, и хозяйственный строй, должны строиться на основании высших идеальных норм «справедливости», а не на борьбе «себялюбий, единоличных и групповых». Осуждение эгоизма собственников, а нередко и частной собственности легло в основу «христианского социализма» XIX века[3]. Утверждение ценности равенства в XIX — XX вв. оказало мощное воздействие на все стороны жизни западных обществ и приобрело планетарный масштаб.

---

[1] См.: *Римашевская Н.М.* Социально-экономические и демографические проблемы современной России. С. 210.

[2] См.: *Шабанова М.Н.* Свобода и независимость в меняющемся обществе: социально-экономический аспект // Социологический журнал. 1996. № 3—4. С. 89.

[3] См.: *Булгаков С.Н.* Христианский социализм. Новосибирск, 1991.

В теории общественного развития К.Маркса представление о социальной справедливости базируется на обосновании необходимости и неизбежности ликвидации частной собственности на средства производства. Последнее рассматривается как основной барьер в развитии личности, ее способностей и талантов, соответственно, и в реализации интересов основной массы населения. Согласно марксизму, равенство общественного положения — это основа реального правового, политического и социально-экономического равенства. При этом Маркс, разрабатывая пролетарский идеал равенства, указывал на реализацию социальной справедливости в ограниченной форме: равенство по отношению к средствам производства не может обеспечить равенства в потреблении, «каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами[1] ровно столько, сколько сам дает ему[2].

В основе своей это — специфическая теория справедливости, точнее, несправедливости существующего распределения стоимости товаров, создаваемой трудом наемных работников сверх стоимости рабочей силы и безвозмездно (т.е. несправедливо) присваиваемой эксплуататорами — капиталистами. Этим была обозначена сложнейшая природа категории «равенства», очевидность которой возрастает от кардинальных общественных перемен. Поскольку люди обладают разными способностями к труду, по практической их реализации (в том числе и в силу разных интересов и потребностей), то равенство выступает одновременно как неравенство.

Эту особенность выявил М.Н.Руткевич применительно к социальным отношениям при социализме[3]. Обосновывая теоретические принципы социального равенства и социального неравенства, он отмечал их взаимосвязанность и взаимозависимость как двух противоположных полюсов одного явления. Первое, подчеркивал Руткевич, ассоциируется в массовом сознании со справедливостью и согласием, второе — с несправедливостью и конфликтами. В качестве критерия выступает субъективное представление индивидов и социальных групп о справедливости социальной жизни. Оно столь же исторично, как и требование равенства. В реальной общественной практике и при социализме равенство и справедливость не сов-

[1] Под «вычетами» понимаются средства на развитие производства, управление, содержание больных и неработоспособных.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 18—19. См. также: *Гофман А.Б.* Мартовские тезисы о социологии равенства и неравенства // Социс. 2004. № 7. С. 24.

[3] См.: *Руткевич М.Н.* Социалистическая справедливость // Социологические исследования. 1986. № 3. С. 14.

падают. Этот вывод глубоко обоснован в марксистской методологии общественного развития.

С точки зрения теоретической социологии социальную справедливость можно рассматривать в качестве идеального типа, реализация которого находится в прямой зависимости от уровня цивилизованности общества, его возможностей и идеала. В массовом сознании социальная справедливость соотносится со сферой распределения, где в полном объеме она не может быть реализована, так как связана со многими факторами — распределением произведенных благ по труду в зависимости от его общественной значимости, количества, качества, условий, природно-климатических зон проживания, степени социальной ответственности работников и т.д.

Социализм смягчал неравенство в распределении благ за счет бесплатного образования и медицинского обслуживания, обеспечения жильем при минимальной оплате и т.д., но устранить неравенство в условиях жизни не мог. Принцип «от каждого по способностям, каждому по труду» лежал в основе государственной идеологии. Он связывал распределение жизненно необходимых благ с равенством каждого члена общества в приобретении тех способностей и той ответственности, реализация которых отвечает интересам всего общества. Это давало определенный позитивный эффект в сочетании с комплексом мер по усилению дисциплины труда, материальному и моральному стимулированию. Однако в полном объеме выполнение этого принципа было невозможно из-за неравенства жизненных шансов в развитии способностей, а следовательно, и готовности к выполнению определенных функций.

Эта проблема в форме дилеммы «справедливо—несправедливо» обсуждалась российскими учеными в 1980-е гг. Отмечаемое в те годы противоречие между актуальными «нуждами общества в рациональном использовании сложившегося человеческого потенциала»[1] и его реальным состоянием перешло в современное российское общество. В этой связи можно отметить, что при констатации этого противоречия как в доперестроечный период, так и настоящее время не учитываются реальные условия, в которых складывается социальный потенциал общества и перспективные потребности последнего.

Многоуровневость социальных отношений дает основания различать «объективное» неравенство (в доходах, власти, доступе к определенным ресурсам) и субъективное осознание этого неравенства. Оба уровня неразрывно связаны с понятием «свобода». Идея о том,

[1] *Руткевич М.Н.* Указ. соч. С. 16.

что индивид должен быть свободен, дабы реализовывать свои потребности, лежит в основе представлений о современном либеральном капитализме. При этом свобода понимается как абсолютная ценность. Идеологи либерального капитализма, оппонируя марксизму, не учитывали, что страшную угрозу представляет деятельность, не ограничиваемая законом, моралью и другими общественными регуляторами. Подтверждением тому служат и «теневая» экономическая деятельность, и «черные» политтехнологии, и другие негативные проявления в разных сферах жизнедеятельности. Значительная часть населения связывает свободу, равенство и справедливость с возможностью доступа к жизненно необходимым благам. В иерархии по результатам социологического исследования ведущее место занимают: доход (58% при 37% несогласных), образование (85%), медицинское обслуживание (78%). При этом большая часть респондентов отметила малые шансы реализовать отмеченные потребности. Более 60% респондентов отметили, что лично получают благ меньше, чем заслуживают, около 80% выражают разную степень несогласия со сложившимися социальными различиями в стране.

Эти мнения — отражение распределительной справедливости, порожденной депривацией как неравенством доступа к социальным благам. Депривация связана с бедностью и другими, более общими формами социального неблагополучия. В современном российском обществе это явление носит характер множественной депривации[1], тенденции совмещения факторов неравного доступа к общественным благам в разных областях. К примеру, низкий доход или безработица сочетаются с плохим жильем и т.д.

Оценка жизненных условий как несправедливых обостряет ряд социальных проблем, в том числе существовавших ранее в виде скрытых угроз. К их числу относится проблема недоверия (экономического, политического, культурного, национального, идеологического). Недоверие — специфический социальный институт, обладающий собственными нормами и правилами, иерархией культурных ценностей и образцов поведения. Характер и уровень недоверия зависит от конкретной исторической ситуации и может распространяться на все сферы жизни общества. В условиях современной России этот феномен в большей степени проявляется в кризисе доверия к властным структурам. Практически любая мера государства, затрагивающая непосредственные жизненные условия, воспринимается как несправедливая, воспроизводя и укрепляя недоверие как стереотип в массовом сознании.

[1] Это понятие ввели ученые из Великобритании М.Браун и Н.Мэдж в 1970-е гг.

Решающими факторами являются представления граждан об их уровне защищенности от социально-экономических потрясений. Они тесно связаны между собой и образуют относительно устойчивый «синдром» коллективного сознания, который определяет установки и ориентиры населения относительно власти и способов собственной адаптации.

Зависимость от властей, их произвольных решений воспринимается как ограничитель социальной активности. Около 80% респондентов в число острых и нерешенных проблем относят участие граждан в принятии политических решений.

Таким образом, актуализация проблемы социальной справедливости в современном российском обществе обусловлена фундаментальными институциональными сдвигами, которые породили новую систему социально-экономических отношений и новую стратификацию российского общества на основе гипертрофированного неравенства.